

Победитель проекта «Новое слово»

Лилия Горская

ОСКОЛОК
ЗВЕЗДЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

Художественное оформление *MORO.san*

Горская, Лилия Олеговна.

Г70 Осколок звезды / Горская Лилия. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225689-9

Принцесса Айраэль — хранительница осколка звезды, который способен исполнить любое желание. Все в королевстве уверены: она использует эту возможность, чтобы закрыть бездну, терзающую этот мир. Но перед смертью король Фомальгаут заклинает дочь не делать этого. Что выберет Айраэль: исполнить долг перед миром или довериться отцу, чьи мотивы скрыты в тенях прошлого?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225689-9

© Горская Л.О., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Судьбе верна и ей же всячески противясь,
Найдешь в цветочном море смерть,
И сгинешь, миру подарив
Последний шанс.*

Глава 1.

ВЕСНУШКИ

Шесть лет назад

Арочное окно, застывшее в тысяче метров над лесистыми склонами, было распахнуто настежь. В небе висели тяжелые тучи.

Стоя на каменном подоконнике, девочка вскинула напряженные руки к тучам и громоподобно, как умел наставник, воскликнула:

— Небо, покорись!

Ничего не произошло, даже ветерок не задул. Горло давно саднило, но упрямство было сильнее. Вспотевшая и злая, она со скулящей обреченностью ударила себя в грудь:

— Просыпайся, ну просыпайся...

Ткнула в тучи снова:

— Дождь, пойди! Повелеваю тебе иди!

Но у туч были другие планы, поэтому хриплые приказы растворились в воздухе неслышанными. Опять.

Когда девочка была готова применить парочку греющих душу словечек, которые как-то услышала от брата, вылетающего из седла, сзади скрипнула дверь.

— Что происходит? — спросил женский голос.

Девочка соскочила на пол, спешно складывая руки на животе в смиренном жесте.

В покои вошла королева. Она с подозрением оглядела зачарованный потолок, показывающий звездное небо, на медвежью шкуру на полу, под чьим отогнутым краем кто-то чертил руны, на распахнутые фолианты, с которых руны списывали, и какие-то чаши, в которых лежали пучки подожженной травы.

Девочка с растрепанными рыжими волосами до пола усиленно делала вид, что интересуется пауком на стене. Ее лицо было намазано густым слоем белого крема, а платье испачкано следами сожженной золы.

— Звезда милосердная! — всплеснула руками королева. — Не знала, что у нас новая придворная чародейка. Приятно познакомиться. А дочь моя Айраэль где?

Королева подошла и пальцем стерла с щеки девочки крем, под которым обнажились плотные созвездия веснушек.

— О, вот же она.

— Мама, не трогайте, — простонала принцесса. — Я только веснушки спрятала.

— И совершенно напрасно, прекрасные у тебя веснушки, все папины.

— Мне уже двенадцать, и я должна выглядеть как леди!

Протесты проигнорировались. Крем был решительно стерт, и теперь на королеву снизу вверх глядело надущее щеки розовое лицо.

— Что ты творила? — вздохнула королева. — Платье теперь только выбросить.

— Пробуждала духовное ядро, — буркнула Айраэль.

— Надеюсь, не вставала на подоконник?

Выражение лица Айраэль немедленно преобразилось, и она притворно ужаснулась:

— Зачем? Это ведь опасно.

Королева вздохнула: такая невинная интонация у Айраэль появлялась лишь в том случае, если ей нужно было отвести подозрения.

— И косы, конечно, ты тоже не расплетала. Садись, солнце.

Королева расчесывала кудри, превращая их в пух, и с силой, доступной только материнским рукам, связывала волосы в жгуты, а жгуты — в две косы, изрядно вытягивающих лоб. Принцесса стискивала зубы, но терпела.

— Так что же раздраконило придворную колдунью?

— Дождь... не подчинился, — принцесса даже сморщиться не могла — натяжение волос вышло слишком сильным. — Я перепробовала все стихии. Ни одна меня не слушается. Я просто хочу быть магичкой. Красивой магичкой, как вы.

— Ты и так красивая, милая.

— Вы же не внушаете мне это сейчас? — с сомнением спросила принцесса, оборачиваясь. Коса удобно натянулась, помогая королеве подвязать к трем жгутам медное кольцо.

Королева проворчала:

— Я не применяю магию к членам своей семьи. Хотя иногда очень бы хотелось.

Королева Мицара, помимо невероятно сильного дара, действительно поражала красотой. Они с Айраэль делили лишь глубокие иссиня-серые глаза цвета моря, около которого королева выросла, узкое бледное лицо и походку — если движения вообще можно позаимствовать через кровь. От отца Айраэль взяла копну рыжих волос и слой веснушек, в которых, как ей казалось, терялись и глаза, и нос, и рот. Густые и гладкие пшеничные волосы матери, о которых принцесса всегда мечтала, достались брату. И буд-то бы совершенно напрасно — он это никогда не ценил.

— Отвернись, пожалуйста, и сядь ровненько.

Королева принялась за вторую косу. Принцесса сжала пальцы на коленках, готовясь к новой попытке.

— В любом случае, я не Дарование. Все в нашей семье владеют магией! Отец по щелчку пальца может поднять из семечек целый лес, вы можете убедить кого

угодно в чем угодно, лишь прикоснувшись, Ригельд управляет огнем, а я? Как-то это несправедливо.

— У тебя много достоинств, о которых ты забываешь. Память и сообразительность даются не всем, знаешь ли.

— Да к нам в храм не берут тех, кто не памятный или не сообразительный. Только все ребята к тому же еще и магики. Одну меня взяли, потому что я принцесса, — кисло сказала она.

— Напомню, что архиепископ Вегарон выбрал тебя из толпы девочек, одинаково одетых в белое и с вуалями на головах. Это была судьба, Айраэль, не отрицай. На все Ее воля.

— На все Ее воля, — со вздохом повторила принцесса.

— Подашь кольцо?

— Вот.

— Но если и это тебя не успокаивает, помни, что не все великие короли и королевы владели магией. Магия не передается по крови. Пастерце, к примеру, не магик, хоть и королевских кровей.

— Пастерце — это что-то вообще из другого мира...

Закончив с косами, Мицара встала и подвела Айраэль к зеркалу, положив руки на плечи.

— Ну погляди, совсем другое дело! Очаровательная немагичка, красивая просто потому, что такой родилась.

Айраэль слабо улыбнулась. Когда они с матерью становились больше похожи друг на друга, потом что у обеих на груди лежали косы служительниц храма Судьбы, она верила ее словам.

Они закончили готовиться к завтраку и вышли к столу. Король Фомальгаут Первый разбирал прошения, отодвинув тарелки и кубки, Ригельд лениво поджигал плющ, оплетающий целую стену тронного зала, потому что отцу сегодня так хотелось, а Пастерце прилип к окну, заметив ласточку, что свила гнездо под оконной аркой.

Это был их последний завтрак вместе. Той же ночью королевы не стало.

Глава 2.

МАЛЬЧИШКИ И ПЕРЕВЕРНУТАЯ КАРЕТА

Настоящее время

— Стой, — рука с мозолями, обернутая в три слоя грязных бинтов, надавила на голову, которая попыталась высунуться из куста можжевельника. Голова тихо зашипела.

Двое мальчишек, один постарше, другой помладше, высунулись из колючих зарослей и посмотрели вниз, на мрачный извилистый тракт. По земле стелился туман, но даже через него было видно, что чавкающую грязь испещряли конные следы и полосы от колес.

— Люди, — прошептал тот, что помладше.

— Люди, — мрачно подтвердил тот, что постарше.

Уже две голодные недели они не видели никого, хотя бы смутно похожего на живого здравомыслящего человека. И предпочли бы не видеть столько же, помноженное на десять. Темнолесье — место, где они застряли, — кишело такими тварями, какие не могли привидеться ни пьянице, ни больному лихорадкой: скользкие змеи с людскими лицами, трехголовые яще-

рицы, поющие колыбельные перед смертью, хищные дятлы с клыками, что едва не перевешивали их маленькие тельца.

Но именно люди, а не кто-либо еще, убили бы их в первую очередь — если бы они не унесли ноги прежде.

— Это ведь не за нами? — пробормотал младший. Это был мальчик лет десяти, утирающий текущий нос рукавом старой куртки не по размеру. Одет он был наспех и во что попало: объемная куртка сидела поверх узких господских штанов, а под ней виднелась женская кофточка с рюшами на рукавах. Среди этого случайного набора вещей особенно выделялась серебряная цепочка с подвеской — семиконечной звездой. Судя по тому, как бережно и часто мальчик ее касался, этот предмет был единственным, что в самом деле принадлежал ему.

Старший сузил единственный свободный от перевязи соколиный глаз, осматривая тракт. Узкий ободок желтоватой кожи вокруг глаза стянулся с прищуром. Голова парня, шея, руки — все было в бинтах, неаккуратно замотанных. Из-под бинтов на пальцах виднелись крючковатые когти, а еще — мелкие серые перышки, как у птенца.

— Думаешь, за нами бы чинно, как дворяне, поехали по торговому тракту? Это не они. Просто какие-то торговцы.

— Слава Звезде! — младший обрадованно упал в куст, как в кресло. Можжевельник в этом лесу был такой же обычный, как все другие животные и растения: с куриными лапками вместо корней.

— Не звездюкай, чудовищ приманишь.

— Но если это не за нами, значит, нам нечего бояться! Нод, давай пойдем по следу? — заныл младший. — Хоть на деревню выйдем... Я устал есть куриные ягоды,

от них крутит живот и дерет зад, как будто вот прямо сейчас отудова огнем ка-ак полыхнет...

— Тихо!

Оба замолкли и прижались как можно ниже. Через тракт пробежал барсук на длинных, грациозных ногах оленя. Когда зверь ушел, старший махнул рукой. По склону спускались прыжками — чтобы оставлять меньше отчетливых следов на глинистой почве. Замерли у жижистой грязи, у следов.

— Экипаж... и обозы. Несколько, — Нод присел, изучая перекрестие узких и широких полос. — Стой, нет, даже много. И все тяжелые, с грузом...

— Лошади подкованные, значит, проезжал кто-то зажиточный. — Младший шустро обходил следы копыт, оставляя собственные в грязевых лужах и не особо думая о сухости сапог — те насквозь промокли еще с утра. — О, о-хо-хо, это точно большая рыба! — он возбужденно потер грязные ладони. — Может, они направлялись в какой-то большой город?

— Может, — Нод поглядел вперед, вдоль пути. Судя по положению солнца, он рано или поздно выведет на запад, в Арданию, королевство камня и драгоценностей. — Но почему возчики решили ехать через Темнолесье? — пробормотал он.

— Пойдем! Пойдем быстрее! — не дожидаясь ответа, мальчонка запрыгал, как заяц, по лужам, убегая за поворот крутого холма по следам процессии.

— Кудрик, не торопи! — крикнул Нод.

Кудрик не слушал. Ноги несли его вперед по тракту туда, где ждала вкусная еда, сухая ночлежка и люди, туда, где не нужно пить сырые птичьи яйца и сидеть в берлоге, прячась от смертоносных бабочек в полчеловека величиной.

Новый поворот удивил странным: тяжелые, неповоротливые камни засыпали вязкое русло, обрывая путь. Кудрик хотел было перелезть, вцепился ногтями

в края самых устойчивых камней, но его дернуло за шиворот.

— Камней здесь быть не могло, — Нод держал Кудрика за куртку, как щенка за шкуру. Тот насупился. — Погляди, на холмах совсем другая порода. Их навалили на вершине склона и в нужный момент столкнули.

Кудрик встряхнулся, когда его отпустили.

— Засада?

— Может быть. Обойдем. Надо посмотреть сверху.

Они поднялись на противоположный холм и нависли над осыпающимся краем. Кудрик, вытягивая подбородок, восхищенно протянул:

— Вот эт да-а...

Под громадой обрушившихся валунов лежали три раздавленные и две перевернутые крытые повозки. Лошади — те, что не убежали, — лежали под обломками и валунами, как и их ездоки. Людей было много больше. Никто не шевелился. Над завалом стоял тяжелый дух разложения.

Вниманием Кудрика завладел роскошный крытый экипаж во главе процессии. Он потерял лошадей под камнями и завалился на бок, утопая в грязи, но даже в таком состоянии поражал воображение богатством: некогда белый, а теперь грязно-серый короб венчал синий бархат, расшитый серебряной нитью; резная дверь, висящая на одной петле, изображала сцены поклонения звездам. Каждая звезда была выложена драгоценными камнями. Самая большая, над дверью, была алмазной и семиконечной — такой же, как на цепочке.

— Впервые вижу, чтоб такое красивое! — Кудрик не мог оторвать глаз. — Точно богачи ехали. Может, даже короли! А как думаешь, — слотнул он голодную слюну, — у них остались припасы?

— Какой король в такой глуши? — Нод неоднозначно качнул головой. — Что-то тут нечисто.

— Да какая разница! Чур главная карета моя!!!

Кудрик драпанул к грязно-белому чуду, а Нод, вздохнув, пошел к обозам. Кудрик застыл у кареты с открытым ртом, как привороженный. Та напоминала ему ларчик с драгоценностями, какие бывают у дам позажиточнее. Он обошел ее со всех сторон, чтобы найти, где легче забраться, и заметил на дугообразной крыше кареты странный обугленный след, словно кто-то решил выстрелить в карету сгустком огня.

Кудрик нашел целехонькую подножку и, оттолкнувшись от нее, забрался на бок кареты. Темнеющий чернотой проход оказался у его ног. Мысль о богатствах, скрытых внутри, согрела пустой желудок, и мальчишка, набравшись смелости, прыгнул внутрь.

Его ноги приземлились на что-то твердое, но и мягкое одновременно. Кудрик не смог удержать равновесия и завалился, хватаясь за вертикально стоящее сиденье. И тут же сморщился от нахлынувшего смрада. В карете кто-то лежал — и, кажется, на этого кого-то, кто совершенно точно мертвого, ему не повезло приземлиться.

С Кудрика схлынули все краски, в животе предательски закрутило. Он едва ли успел разглядеть труп. Понял только, что тот в белом или вроде того, с длинными светлыми косами. Взгляд Кудрика заметался между светом дня и темнотой кареты, но он вспомнил, что говорили старшие: бояться надо не мертвых, а живых. Зажав рукавом нос, Кудрик как можно быстрее пробежался по одежде и распухшим пальцам трупа, цепляя все, что мог, а потом ужаленной белкой вылетел из гроба-сокровищницы.

Нод забрался в одну из повозок, что чудом стояла прямо. В сухости тканевого верха прятались кованые

сундуки и тяжеленные бочки. Нод достал кинжал из-за пояса и попытался вскрыть один из сундуков. Тот насилу поддался. Внутри оказались ткани — красная, синяя, пурпурная, зеленая... Пробормотав ругательства, Нод машинально поправил сбившиеся бинты, пряча бледнеющий крест рун на шее.

Когда он взялся за соседний сундук, услышал вздох за спиной. Обоз слегка покачнулся, принимая еще одного гостя.

— Долго же тебя носило, — сказал Нод, не отвлекаясь от дела. В кустах сидел?

— Ну.

— Куриные ягоды?

— ...почти.

Когда крышка поддавалась, открывая взору содержимое, Нод чертыхнулся:

— Тц, и здесь нет драгоценностей.

— А что есть?

— Книги.

— Фу, — сморщился Кудрик. — О чем?

— О лягушках и ядах, — соврал Нод, захлопывая сундук. Читать он не умел и учиться в ближайшее время не планировал. Впрочем, возможно, он не так уж и соврал: на кожаной тисненой обложке действительно красовалась лягушка. Нод наконец обернулся, разглядывая Кудрика с макушки до ног. — Что это на тебе?

Кудрик довольно выпятил пузо. На его ногах красовались непомерно большие сапоги, не пропускающие влагу, на талии — ремень, инкрустированный рубинами, а на пальцах — большущие кольца с камнями, кроме одного: то было было с печатью орла.

— Все сам нашел, — довольно протянул Кудрик, демонстрируя шикарную дырку на месте молочного зуба. — Смотри, я богаче тебя, — он поиграл пальцами с перстнями.

— Ну король, — усмехнулся Нод, хватая его за руку и рассматривая кольца. — На ком нашел-то?

— А я знаю? Дядька какой-то, весь в белом. Волосы длинные, светлые. Распух и вонял так, словно в карету весь лес дристал.

— Не прокаженный?

— Обыкновенный. Не мутант точно, зуб даю.

— Не давай, с твоими обещаниями ни одного не останется. Не испугался труп обирать?

— Пф, я? — Кудрик задрал нос. — Не.

— Ну и хорошо, — Нод уже задумался о своем, потому забормотал: — В белом, говоришь... Простые люди белое не носят, стало быть, он из церкви. Я понял, — Нод возбужденно положил руку Кудрику на плечо. — Мы нашли архиепископа!

— Да ну?! — Кудрик опять показал дырку.

— Ну да! Было ваше, стало наше. Отлично. Сбудем, как только...

Он прервался, заметив печать орла на безымянном пальце.

— ...придем в город.

— Что? Это очень важная штука, а? — Кудрик разул глаза.

— Очень. Очень дорогая штука, — сделав акцент на «дорогая», Нод ухмыльнулся и взлохматил волосы Кудрика. — Давай! Помоги мне с этими сундуками. Может, хоть там не будет вонять буквами?

В других сундуках были жемчуга. Украшения. Даже музыкальные инструменты, картины и посуда. И никаких припасов! Тем не менее, все добро можно на еду обменять – нашелся бы покупатель.

Нагрузив вещами бочку, мальчики обвязали ее веревкой, которую нашли тут же. Впряглись в нее и потянули, чавкая ботинками по грязи. Бочка тяжело заскользила по грязи, сама выбирая маршрут через грязевые выбоины.